Амели

Нотомб

Amélie

Nothomb

Les Aérostats

Premier sang

Амели
Нотомб

Аэростаты
Первая кровь

Романы

Перевод с французского
Ирины Кузнецовой,
Ирины Стаф

издательство **АСТ**
Москва

УДК 821.133.1-1
ББК 84(4Фра)-44
Н85

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

Художественное оформление и макет Андрея Бондаренко

Фото на обложке © Jean-Baptiste Mondino

Нотомб, Амели.
Н85 Аэростаты; Первая кровь : романы / Амели Нотомб; пер. с франц. И. Кузнецовой, И. Стаф. — Москва : Издательство АСТ : CORPUS, 2022. — 224 с.

ISBN 978-5-17-148149-0

Блистательная Амели Нотомб, бельгийская писательница с мировой известностью, выпускает каждый год по роману. В эту книгу вошли два последних — двадцать девятый и тридцатый по счету, оба отчасти автобиографические.

"Аэростаты" — история брюссельской студентки по имени Анж. Взявшись давать уроки литературы выпускнику лицея, она попадает в странную, почти нереальную обстановку богатого особняка, где ее шестнадцатилетнего ученика держат фактически взаперти. Чтение великих книг сближает их. Оба с трудом пытаются найти свое место в современной жизни и чем-то напоминают старинные аэростаты, которыми увлекается влюбленный в свою учительницу подросток. "Анж — это я в девятнадцать лет", — призналась Нотомб в одном из интервью.

"Первая кровь" — роман об отце писательницы, крупном дипломате, скоропостижно умершем в 2020 году. Оказавшись в заложниках у конголезских мятежников, молодой бельгийский консул Патрик Нотомб стоит перед расстрельным взводом в ожидании казни и вспоминает каждую минуту двадцати восьми лет своей жизни — детство, юность, любовь. Амели как бы смотрит на мир глазами отца и, воспроизводя его исповедь, превращает ее в триллер. Роман отмечен во Франции премией Ренодо, а в Италии одной из главных литературных наград Европы — премией Стрега.

УДК 821.133.1-1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-17-148149-0

Les Aérostats © Editions Albin Michel — Paris, 2020
Premier Sang © Editions Albin Michel — Paris, 2021
© И. Кузнецова, "Аэростаты", перевод на русский язык, 2022
© И. Стаф, "Первая кровь", перевод на русский язык, 2022
© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2022
© ООО "Издательство АСТ", 2022
Издательство CORPUS ®

Содержание

Аэростаты

Перевод с французского
Ирины Кузнецовой

7

Первая кровь

Перевод с французского
Ирины Стаф

111

Аэростаты

Орианне

Я еще не знала, что Доната принадлежит к категории людей, обиженных на весь белый свет. От ее упреков мне делалось стыдно.

— Как можно оставлять ванную комнату в таком виде!

— Прости! Что не так?

— Я ни к чему там не прикасалась. Ты должна сама осознать.

Я отправилась в ванную посмотреть. Ни лужи на полу, ни волос в сливном отверстии.

— Не понимаю.

Она со вздохом подошла:

— Ты не задернула занавеску душа. Как она, по-твоему, высохнет, если висит гармошкой?

— А, да.

— И не завинтила флакон шампуня.

— Но это же мой.

— Ну и что?

Я послушно завинтила то, что называла про себя не “флакон”, а просто “шампунь”. Мне определенно не хватало утонченности.

Ничего, Доната меня научит. Мне всего девятнадцать лет. А ей двадцать два. Я была в том возрасте, когда эта разница еще кажется значительной.

Постепенно я заметила, что она так ведет себя практически со всеми. Я слышала, как она по телефону обрывала собеседников:

— Вы считаете нормальным говорить со мной в таком тоне?

Или:

— Я не позволю так со мной обращаться.

И бросала трубку. Я спрашивала, что случилось.

— По какому праву ты слушаешь мои телефонные разговоры?

— Я не слушала, я слышала.

Когда я первый раз воспользовалась стиральной машиной, разыгралась целая драма.

— Анж! — закричала она.

Я явилась, готовая к худшему.

— Что это такое? — спросила она, указывая на белье, которое я развесила, где сумела.

— Я прокрутила машину.

— Мы тут не в Неаполе! Суши свои вещи в другом месте.

— А где? У нас ведь нет сушки.

— Ну и что? Разве я развешиваю белье где попало?

— Тебе можно.

— Не о том речь. Это безалаберность, пойми. И не забывай, что ты в моем доме.

— Я же плачу за проживание, разве нет?

— Ах, значит, раз платишь, то можешь творить что угодно?

— Нет, серьезно, как я, по-твоему, должна поступать с мокрым бельем?

— На углу есть прачечная. С сушкой.

Я усвоила информацию, твердо решив больше никогда не пользоваться ее стиральной машиной.

Довольно скоро мы добрались вообще до параллельной вселенной.

— Объясни, будь добра, зачем ты переложила мои кабачки?

— Я не перекладывала твои кабачки.

— Не отпирайся!

Это “Не отпирайся!” насмешило меня.

— Ничего смешного! Пойди посмотри.

Она показала мне в холодильнике кабачки, лежавшие слева от моей брокколи.

— Ах да, — сказала я. — Мне пришлось их подвинуть, чтобы положить брокколи.

— Вот видишь! — воскликнула она, торжествуя.

— Мне же надо было куда-то положить брокколи.

— Но не в мой ящик для овощей.

— А другого нет.

— Ящик для овощей принадлежит мне. Не смей его открывать.

— Почему? — тупо спросила я.

— Это слишком интимно.

Давясь от смеха, я бросилась к себе в комнату, чтобы не расхохотаться при ней в голос. Однако она была права: ничего смешного. Доната оказалась феерической занудой, но деваться некуда: пытаясь снять комнату, более выгодного варианта я не нашла. Мои родители жили слишком далеко от Брюсселя, чтобы я могла кататься туда-сюда.

В прошлом году я ютилась в жалкой конуре в студенческом общежитии для будущих филологов: ни за какие блага мира я бы не вернулась в это логово, где моим соседом был тошнотворный дебил и где даже в его от-

сутствие стоял жуткий гвалт и днем и ночью, я не могла там ни спать, ни заниматься, что для студентки большая проблема. Не знаю, каким чудом я сумела окончить первый курс, но не собиралась так рисковать в дальнейшем.

У Донаты я жила в отдельной комнате. Вирджиния Вулф глубоко права: нет ничего важнее[1]. Пусть не самая шикарная, комната эта была для меня такой роскошью, что я соглашалась терпеть все бесчинства Донаты. Она никогда ко мне не заходила — не столько из уважения к моему личному пространству, сколько из брезгливости. В глазах Донаты я воплощала "молодежь": когда она обо мне говорила, у меня возникало впечатление, будто я какая-то уличная оторва. Стоило мне прикоснуться к чему-то из ее вещей, как она тут же швыряла это в корзину с грязным бельем или в помойку.

В университете я особой популярностью не пользовалась. Студенты смотрели сквозь меня. Иногда, набравшись храбрости, я заговаривала с кем-нибудь из молодых людей или девушек, казавшихся мне симпатичными: они отвечали односложно.

К счастью, я была страстно увлечена филологией. Проводить почти все время за чтением или учебой не было мне в тягость. Но иногда вечерами на меня нападала тоска от одиночества. Я выходила из дому и отправлялась бродить по Брюсселю. От городской кутерьмы у меня голова шла кругом. Меня поражали названия улиц: улица Волчьего Рва, улица Угольного Рынка, улица Селедки.

Я часто заходила в кино и смотрела первый попавшийся фильм. Потом возвращалась пешком, что зани-

1 Намек на эссе "Своя комната" (1929), где Вирджиния Вулф утверждает: если женщина собирается писать книги, ей нужны средства, чтобы не голодать, и отдельная комната. *(Здесь и далее — прим. перев.)*

мало примерно час. Такие вечера, которые я считала полными приключений, мне нравились.

По возвращении надлежало вести себя очень тихо: малейший звук будил Донату. У меня имелись строгие инструкции: закрывать двери с бесконечными предосторожностями, не готовить еду, не спускать воду и не принимать душ после девяти часов вечера. Но даже скрупулезно соблюдая все это, я могла нарваться на нагоняй.

Может, у нее были неполадки со здоровьем? Не знаю. Она утверждала, что ей требуется более длительный сон, чем среднему человеку. Список того, что вызывало у нее аллергию, рос с каждым днем. Она изучала диетологию и критиковала мою еду в таких примерно выражениях:

— Хлеб и шоколад? Не удивляйся, если заболеешь.

— Я здорова.

— Это тебе так кажется. Доживи до моих лет и увидишь.

— Тебе двадцать два, а не восемьдесят.

— Ты на что намекаешь? Как ты смеешь так со мной разговаривать?

Я уходила к себе в комнату. Для меня это был не просто плацдарм для отступления, это была территория безграничных возможностей. Окна выходили на угол бульвара: я слышала, как поворачивают трамваи с характерным скрежетом, который меня зачаровывал. Лежа в кровати, я воображала себя трамваем — не для того, чтобы именоваться Желанием[1], а чтобы ехать, не зная конечной точки маршрута. Мне нравилось не знать, куда я двигаюсь.

1 Намек на название пьесы Теннесси Уильямса “Трамвай «Желание»” (1947).